

Архив Бунина должен быть в России

Сейчас она этого достойна

АРХИВ И.А.Бунина и его жены Веры Николаевны после их ухода из жизни остался у писателя Л.Ф.Зурова, жившего в их парижской квартире. Мои переговоры с ним в 1960-е годы о приобретении этих материалов, энергично поддержанные А.Т.Твардовским, ни к чему не привели из-за равнодушия «руководящих товарищей» в Союзе писателей и в ЦК КПСС. Об этом я рассказал в моей книге «Дороги и звоны» («Московский рабочий», 1993).

Зуров передал все рукописи Бунина преподавательнице Эдинбургского университета Милице Э.Грин, а она затем — университету города Лидс.

М.Э.Грин стремилась утвердить за собой право на владение бунинским архивом; публикуя кое-что из его переписки, она сообщала, будто бы «Алданов усиленно уговаривал Бунина продать архив в Колумбийский университет, но Бунин отказался». Однако его письма убеждают, что все было не так.

В Нью-Йорке создавался при помощи Колумбийского университета Русский Архив. Об этом извещал Бунина М.А.Алданов 26 марта 1951 г.; по руководству им намечался комитет в составе: Бунин, бывший член Государственной Думы, адвокат В.А.Маклаков, бывший посол Б.А.Бахметев, социалист Б.И.Николаевский, историк М.М.Карпович, Александра Толстая и Алданов. Иван Алексеевич согласился на участие в работе комитета.

Русский Архив потом слился с архивом Колумбийского университета. Алданов уведомлял Бунина 26 марта 1951 г.: «По освобождению России Колумбийский университет обязуется отдать его в Москву». Он также писал Бунину 7 ноября 1951 г., что «директором состоит американский профессор Мозли... Мозли согласен на перевозку Архива в Москву в случае освобождения России». Это было важнейшим условием для Бунина и Алданова, они хлопотали не о продаже архивов, а о сохранении для будущей обновленной и свободной России.

Бунин в последние годы жизни, когда позволяли здоровье и время, готовил свой архив для передачи Колумбийскому университету. Часть документов он передал года за два до войны в Государственный Архив в Праге, и «все это, — писал он Алданову в ночь с 29 на 30 июня 1951 г., — слопала Москва. Так что теперь мой «архив» весьма беден. Надеюсь в начале осени послать Борису Ивановичу (Николаевскому. — А.Б.) эту бедность» (здесь и в дальнейшем выделено мною. — А.Б.).

Разбирала архив Ивана Алексеевича и Вера Николаевна. Делала она эту работу в декабре 1952 г. и в январе 1953 г. — в год смерти Бунина; торопилась все подготовить для отправки в США. Она писала И.В.Кодрянскому 17 сентября 1952 г., что Иван Алексеевич, завершив работу над своими книгами для Чеховского издательства в Нью-Йорке, «немного успокоился, хотя теперь нужно кончать с отсылкой архива».

В архиве Колумбийского университета есть «Краткое резюме описи личного архива И.А.Бунина», ксерокопию которого прислал профессор К.И.Каллаур, — пятьдесят три папки документов: рукописи стихов и прозы,

пометки Бунина на полях журналов и газет, портреты Бунина и альбомы с фотографиями, книги Бунина на иностранных языках, книги русские с исправлениями для новых изданий, письма писателей и других лиц — и прочие материалы, всего 6293 документа.

Заведующая архивом Колумбийского университета госпожа Ellen Scaruffi говорит, что обозначенные в «Кратком резюме...» материалы у них в каталоге не значатся. Очевидно, Бунины не успели отправить вслед за описью архив Ивана Алексеевича из-за его болезни и последовавшей затем кончины.

ИЗ ВСЕХ документов, касающихся архива Бунина, ясно видно, что его воля состояла в том, что архив должен был до поры до времени храниться в Колумбийском университете, а затем надлежало перевезти его в Москву. Все, что противоречит воле нобелевского лауреата, несправедливо и противозаконно. Архив Бунина — национальное достояние России, и он должен быть в России.

Если есть какой-нибудь документ В.Н.Буниной, узаконивающий права собственности Зурова на архивы Ивана Алексеевича и Веры Николаевны, то это могло быть сделано лишь по принуждению. Вера Николаевна никак не могла бы поступить против воли Ивана Алексеевича. Она служила ему жертвенно и его желания соблюдала свято.

Зуров, распоряжавшийся архивами Буниных с апреля 1961 г. — со дня смерти Веры Николаевны, — страдал иногда смитическим расстройством, три раза его помещали в клинику, в частности, отправили 20 июля 1953 г., а возвратился он на квартиру Буниных 12 декабря 1953 г.

Отношения Веры Николаевны и Зурова были очень сложные. Она по своей редкой доброте всячески опекала его. «Вера Николаевна спасла Зурова, и он это знал», — писала художница Т.Д.Лопинова-Муравьева 17 июня 1979 г. автору данной статьи: имея в 1953 г. большие долги, она заняла еще немалые деньги, чтобы заплатить за него хорошей, но дорогой частной клинике — сто тысяч в месяц.

А для нее бывали из-за него нелегкие, прямо-таки трагические дни; она искала защиты у доктора и друга семьи В.М.Зёрнова. Владимир Михайлович писал автору этих строк 23 апреля 1979 г.:

«Ведь Зуров по-настоящему терроризировал Веру Николаевну уже после смерти Ивана Алексеевича. Мне как-то не хотелось проникать в их отношения, но раза два-три Вера Николаевна мне на него жаловалась и показывала снятки от его побоев, прося поговорить с ним о его поведении».

Терроризируемая Вера Николаевна, старая, больная, может быть, и написала какую-нибудь бумагу для Зурова касательно архива, но такая бумага не может иметь юридической силы.

Несомненно, необходимо на государственном уровне заняться архивом И.А.Бунина и Веры Николаевны, обширные и очень подробные дневники которой также бесценны для изучения жизни и творчества великого классика русской литературы.

Александр БАБОРЕКО